

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ О 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Публикация Я. И. Линкова

Среди документов «пражской коллекции» хранится черновая рукопись — проект речи, которую Герцен собирался произнести на празднике, устроенном в честь «начала освобождения крестьян» 10 апреля 1861 г. В конце рукописи — подпись «И<сканде>р», обычная под статьями Герцена. Повидимому, Герцен намеревался опубликовать текст ее в «Колоколе».

Однако приготовленную речь он на празднике не произнес и в «Колоколе» ее не опубликовал.

Речь должна была закончиться тостом за Александра II, «освободителя крестьян». Это свидетельствует о том, что в Герцене еще живы были либеральные иллюзии, о которых Ленин писал: «Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12). Но то, что Герцен этого тоста *не провозгласил* и приготовленной речи *не произнес*, еще раз иллюстрирует правильность дальнейших слов Ленина: «Однако, справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» (там же).

Проект речи свидетельствует о либеральных заблуждениях Герцена, но в то же время и содержание речи и сама ее история являются еще одной яркой иллюстрацией не только к начальной, но и к заключительной части ленинской формулировки: при всех своих либеральных заблуждениях Герцен принадлежал к лагерю демократии и революции.

Задача освобождения крестьян с землей была той осью, вокруг которой врапались все революционные интересы Герцена в пятидесятых годах. «„Колокол“ (1857—1867), — писал Ленин, — встал горой за освобождение крестьян» (там же).

Напомним, к чему сводились *основные* требования программы Герцена и Огарева, опубликованные ими в обобщенном виде летом 1859 г., после многократного обсуждения крестьянского вопроса на страницах «Колокола» и «Полярной звезды»:

«1) Сохранить общинное владение землею и все общинное устройство при освобождении помещичьих крестьян <...>

2) Освободить помещичьих крестьян с землею целыми общинами, но не отдельными лицами или семействами <...>

3) Произвести *полное освобождение разом, без всякого переходного состояния* <...>

4) Предоставить во владение общины то самое количество земли, которым она пользовалась по сие время <...>

5) Произвести освобождение одновременно и в один день по всей России <...>

6) Произвести освобождение *полное*, т. е. чтобы освобождением *прервать всякие обязательные отношения крестьян к помещику* и поставить освобожденных крестьян в те же условия, в каких находятся крестьяне государственные...» («Колокол», л. 44, от 1 июня 1859 г. — Курсив наш. — Я. Л.).

Либеральные и народнические историки, в частности В. И. Семевский, не замечали различия между проектом, выдвинутым Герценом, и проведенной впоследствии

в жизнь правительственной программой. Изложив герценовскую программу, В. И. Семеvский резюмировал: «Вот программа по крестьянскому вопросу, выставленная „свободным органом“ русской интеллигенции в конце царствования императора Николая; несколько лет позднее она сделалась и правительственной программой». Далее он добавлял: «Не было, однако, исполнено при уничтожении крепостного права одно из требований Герцена — необходимость сохранения за крестьянами всей земли, предоставленной им в пользование помещиками» (В. И. Семеvский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX веков, т. II. СПб., 1888, стр. 614—615). Этим «однако» Семеvский, сам того не желая, опровергал свое предыдущее утверждение, ибо невозможно говорить о совпадении программ, если они расходятся в важнейшем вопросе — в вопросе о том, сколько крестьяне получают земли: всю ту, которой они фактически пользовались, или только часть ее?

Программа «Колокола» в такой же степени «совпадала» с правительственной программой, в какой интересы помещиков «совпадали» с интересами крестьян. Если б она была проведена в жизнь, она действительно обеспечила бы расчистку почвы от крепостничества. Программа Герцена — Огарева выражала революционно-демократические требования и, по существу, совпадала со взглядами Чернышевского и Добролюбова. Исходя из того, что земля, которой крестьяне фактически пользовались, им и принадлежит, Герцен считал необходимым, для восстановления исторической справедливости, наделить их этой землей безвозмездно, т. е. без всякого выкупа. И лишь в крайнем, наиболее неблагоприятном случае, так сказать, на худой конец, он и Огарев допускали возможность выкупа земли за счет государства.

В годы, предшествовавшие реформе, Герцен полагал, что главное для России — освободить крестьян с землею: «Будет ли это освобождение „сверху или снизу“, — мы будем за него! <...> из-за средств спора мы не поднимем» (IX, 363). Какими именно средствами будет достигнуто освобождение, это, по мнению Герцена, зависело от дальнейшего хода исторического развития, от «поэтического каприза истории». Допуская возможность различных путей решения крестьянского вопроса, Герцен неизменно подчеркивал неизбежность своих принципиальных взглядов. В 1858 г., в статье «Нас упрекают», он писал: «... Мы имеем неизбежные основы, страстные сочувствия, проводившие нас от ребячества до седых волос; в них у нас нет *легкомыслия*, нет *колебания*, нет *уступок*! Остальное <т. е. пути освобождения. — Я. Л.> нам кажется второстепенным...» (там же).

Такая точка зрения Герцена объясняется некоторыми особенностями его общественно-политических взглядов.

Герцен рассматривал самодержавие как силу, стоящую над обществом, над классами и потому могущую в какой-то исторический момент отозваться на запросы крестьянства. «Императорская власть у нас, — писал Герцен в 1862 г., — *только власть*, то есть сила, устройство, *обязывание*; содержания в ней нет, обязанностей на ней не лежит; она может сделаться татарским ханатом и французским комитетом общественного спасения — разве Пугачев не был императором Петром III?» (XV, 374). Эта глубоко ошибочная точка зрения объясняет либеральные ошибки Герцена в пятидесятых годах, его иллюзорные надежды на Александра II.

Освобождение крестьян понималось Герценом и Огаревым как крупный начальный шаг по пути социализма в России. Ленин писал:

«Герцен видел „социализм“ в освобождении крестьян *с землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее „права на землю“. Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

На деле в этом учении Герцена <...> нет ни *грана* социализма. Это — такая же прекраснoдушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы „социализма 48-го года“ на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861-ом году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея „права на землю“ и „уравнительного раздела земли“ есть не что иное как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение

помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11—12).

Герцен и Огарев с величайшим вниманием следили за ходом подготовлявшейся отмены крепостного права. Они шаг за шагом разоблачали на страницах «Колокола» все махинации правительственно-помещичьего лагеря, крепостническую сущность проектов и положений, подготовлявшихся в недрах бюрократических канцелярий и дворянских губернских комитетов, и горячо защищали интересы крестьян.

Приветствуя Александра II, заявившего о предстоящей отмене крепостного права, Герцен и Огарев, вместе с тем, подвергли резкой критике основные принципы крестьянской реформы, провозглашенные в «высочайших рескриптах». В «Колоколе» были критически рассмотрены проекты Главного комитета по крестьянскому делу от 16 мая 1858 г., административно-судебные и финансовые проекты Ростовцева, проекты положений Петербургского и Московского губернских комитетов, доклады редакционных комиссий и т. п.

Во многих случаях эта разоблачительная критика Герцена и Огарева вызывала недовольство и нападки со стороны либералов, так как позиция «Колокола» по некоторым конкретным вопросам реформы резко отличалась от позиции либералов.

18 февраля 1858 г., в статье «Через три года», написанной по поводу рескрипта царя от 20 ноября 1857 г., данного на имя виленского генерал-губернатора Назимова, — рескрипта, означавшего, что правительство приступает к крестьянской реформе, — Герцен обратился к Александру II со словами: «Ты победил, Галилеянин!» (IX, 126). Это обращение — апогей либеральных заблуждений Герцена. Однако и в разгар своих либеральных иллюзий Герцен со страниц «Колокола» неотступно напоминал о том, что если реформа, приемлемая для народных масс, не осуществится сверху, то массы восстанут, и «Колокол» будет приветствовать крестьянскую революцию, призывать к ней.

Идея крестьянской революции никогда не покидала Герцена. Общее направление всей русской пропаганды Герцена в конечном счете было подчинено этой великой идее. Ею были проникнуты первые издания «Вольной русской типографии». О ней говорилось на страницах «Полярной звезды». Многие статьи «Колокола», принадлежавшие перу самого Герцена и других представителей лагеря революционной демократии, содержали призыв к подготовке революции. Идея крестьянской революции разрабатывалась в конспиративных документах Огарева — Герцена как практическая задача русского революционного движения.

Герцен никогда не прекращал борьбы с помещичьим классом. В той же статье «Через три года», наряду со славашавым обращением к Александру II, мы находим сильные, бичующие строки по адресу помещиков-крепостников:

«Посмотрели бы мы, право, au grand jour* на этих зачитников розог и крешеной собственности, забрызганных кровью жертв, на этих грабителей по дворянской грамоте, на этих людокрадов, отнимающих у матерей детей, торгашей, продающих девок, барышников рекрутами! Выходите же на арену, дайте же на вас посмотреть, родные волки великороссийские, может, вы поуменьли со времен Пугачева, какая у вас шерсть, есть ли у вас зубы, уши? Знаете, что — до помещичьего права добираются, до вольности дворянской! Это мужика-то и не посечь, и не заставить поработать четвертый и пятый день, дворового-то и не поколотить. Помилуйте! Выходите же из ваших тамбовских и всяческих берлог — Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пеночкины, попробуйте не розгой, а пером, не в конюшне, а на белом свете высказаться. — Померяйтесь!» (IX, 127).

Питая иллюзии по отношению к Александру II, Герцен в то же время не питал никаких иллюзий относительно его министров и всего государственного аппарата царизма и показывал царских сановников на страницах «Колокола» в их истинном свете. Он писал:

«Где между людьми, его <царя.— Я. Л.> окружающими, какой-нибудь талант, какое-нибудь сильное убеждение, какая-нибудь резкая способность? <...>

* в свете гласности (франц.).

Зачем остается Закревский в Москве? — грубый, неотесанный и (как говорят) нечистый на руку?

Что за министр Сухозанет с своим уморительным приказом, которым возвещал свое вступление в должность?

Что за министр Ланской с тупоумным циркуляром своим, направленным против государя?

А долгоязыкий Панин, эта величайшая неспособность всей России?

А хромое министерство с Норовым и с автором „Русского бога“, князем Вяземским, перешедшим на сторону „немецкого“ и проповедующим инквизицию и цензуру!?” (VIII, 521—522).

По мере приближения дня опубликования манифеста Герцен все более убеждался в намерении царя провести реформу на крепостнический лад. Особенно возмутило Герцена назначение министром юстиции убежденного крепостника, реакционера Панина. Заметка об этом, помещенная в «Колоколе» в марте 1860 г., была окружена траурной рамкой; подобно некрологам:

«Невероятная новость о назначении Панина на место Ростовцева,— сказано в этой заметке,— подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакции поставлен главою освобождения крестьян. С глубокой горестью узнали мы об этом. Но горевать недостаточно,— наше время слишком бойко. Это — вызов, это — дерзость, это — обдуманное оскорбление общественного мнения и уступка плантаторской партии. Тон царствования изменился, с ним должны измениться и все отношения <...>

Ошибаться нечего,— длинная фигура Панина может служить шестом с шляпой, чтобы пугать, но она слишком *узка*, чтоб застить собою черты Николая второго <...>

Что касается до нас, наша дорога ясна...» (X, 236—237).

«Мы думали, что самодержавие может еще в России совершить подвиг *освобождения крестьян с землею* <...>— писал Герцен в 1860 г. во «Введении» к сборнику статей «За пять лет». — Что же вышло? Самодержавие, никогда не задумывавшееся ни над чем, проливавшее кровь и слезы с бездушием локомотива, встречающего препятствия, застенчиво остановилось, произнеся слова *освобождение с землею*, и стало советоваться с генералами и бюрократами, с молодыми учеными и „ветхими“ невежеством стариками. Этого было мало,— оно созвало каких-то нотаблей и велело им *молчать* свой совет» (X, 318). От самодержавного правительства ждать больше нечего, и сознательному меньшинству пора делать свои дела самим. С этим выводом Герцен встретил окончание подготовки реформы.

Герцен и Огарев предвидели уже, какова будет долгожданная «свобода» на самом деле. В статье «Колокола» «На новый 1861 год», написанной Огаревым, разоблачалось крепостническое существо реформы: «Как будет принято народом это освобождение? Каким бы оно ни было, — в первый день оно примется с восторгом. Не один шкалик откупного вина разошется в честь свободы... Но день пройдет, все оглянутся и увидят, что и вино поддельное, и свобода поддельная. Наступит пора страшного молчания, от которого много лиц побледнеет <...> Крестьяне увидят, что они такие же крепостные, как были; только их права, их собственность, их работа, все их отношения к помещику из неопределенности по отсутствию правил — перешли в неопределенность по бесчисленности правил...» («Колокол», л. 89 от 1 января 1861 г.).

1 марта 1861 г., т. е. тогда, когда Александр II уже поставил свою подпись под манифестом об освобождении крестьян, Герцен писал в заметке «Накануне»:

«Пришла великая суббота, скоро ударит колокол к заутрене... а на душе страшно и тяжело <...> И мы, как наши бедные крестьяне, стоим в раздумье <...> с непреодолимым чувством ненависти <...>

Столько для России никогда не стояло на карте,—ни в 1612, ни в 1812 году» (XI, 37).

В последние недели перед появлением манифеста Герцен находился в напряженном, томительном ожидании. «Мы ждем, не переводя духа»,— писал он И. С. Тургеневу 1 марта 1861 г. (XI, 42); «... эти дни—не жизнь, а судорожное переживание себя...»,— читаем мы в его письме от 7 марта Тургеневу (XI, 43). Об этом же он писал не только в письмах, но и в «Колоколе». В заметке «Духу не достало» говорилось: «Эта отсрочка, это ожидание — сверх сил человеческих» (XI, 46).

16 февраля в письме к М. К. Рейхель Герцен сообщал: «Указ об освобожд^{ении} будет 3 марта» (XI, 34). «Ты, вероятно, знаешь,— писал он 24 февраля сыну,— что 4 марта провозглашается *освобождение с землей* (доля земли неизвестна). Это, наверное, с освобождением Италии — важнейшие события в последние двадцать пять лет. Старайся прочесть как можно скорее. „Nord“ пишет, что в Петербурге везде толпится народ — в кабаках, в церквях, банях, на торгу, в театре,— все говорит об освобождении» (XI, 35).

ЧТЕНИЕ МАНИФЕСТА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН,
ОБНАРОДОВАННОГО 5 МАРТА 1861 г.

Акварель неизвестного художника, 1861 г.

Исторический музей, Москва

Герцен принимал все меры, чтобы возможно скорее получить подробные известия о готовящейся реформе. По его просьбе, граф Кушелев телеграфировал в Петербург; ответ был: «Говорят, 3-го марта». «Вообще, Тургенев, ты уж теперь нас не забывай,— читаем мы в письме Герцена к И. С. Тургеневу от 7 марта 1861 г.,— и как что — пиши, а если очень важно, то и в телеграф сыграй» (XI, 43).

Герцен полагался на осведомленность Тургенева. Но информация Тургенева, жившего тогда в Париже, далеко не всегда была точной и вместе с тем не могла, в известной мере, не отражать его собственной политической позиции умеренного либерала.

В письме от 13 февраля Тургенев писал Герцену:

«Имею также сообщить тебе самым достоверным образом, что указ об эмансипации выйдет скоро; никаким другим слухам не верь; главные противники указа, кто бы ты

думал (не говорю о Гагарине, это само собою разумеется)? Муравьев, *Княжесвич* и князь А. М. *Горчаков!*» Далее (в письме от 9 марта) читаем:

«Буду сообщать тебе все новости неофициальные, но верные <...>

Из Петербурга попрежнему обещание (кажется, несомненное) объявить свободу 6/18 марта. Но обрезание надела едва ли понравится крестьянам, особенно в хлебопашных губерниях. Хорошо то, что глупейшего *переходного* времени не будет» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 137).

Введенный в заблуждение кем-то из своих петербургских знакомых, Тургенев этой ложной информацией ввел в заблуждение и Герцена, питая тем самым его еще не изжитые до конца либеральные иллюзии. Так, в следующем письме (дата не установлена) говорилось: «Вчера получены здесь письма от разных официальных лиц (Головина и пр.) об окончании крестьянского вопроса. *Главные основания* редакционной комиссии приняты; переходное время будет продолжаться два года (а не 9 и не 6). Надел остается весь, с правом выкупа... Мне обещали доставить сегодня один уже *отпечатанный* экземпляр Положения, который прислали из Петербурга. Спишу главные пункты и пошлю тебе.

Манифест (написанный Филаретом) выйдет в то *воскресенье*, т. е. через девять дней. Государю приходилось по иным пунктам быть в меньшинстве 9 человек против 27. Самыми либеральными людьми в этом деле оказались Кон<стантин> Ник<олаевич>, Блудов, Ланской, Бахтин и Чевкин» (там же, стр. 140).

На основании этого письма, буквально повторив некоторые его фразы, Герцен составил заметку, помещенную в л. 94 «Колокола»: «15 марта. Последние новости». Приведем текст этой заметки полностью для сопоставления с письмом Тургенева:

«Главные основания Редакционной комиссии приняты. Переходное время будет продолжаться *два года* (а не девять и не шесть). *Надел остается весь*, с правом выкупа. Манифест выйдет 12/24 марта. Государь до конца отстаивал крестьян с величайшей твердостью против расшвирипевших крепостников. Со стороны освобождения были: *Константин Николаевич, Блудов, Ланской, Бахтин и Чевкин*» (XI, 52).

В ответ на приведенное выше письмо Тургенева Герцен просил прислать полный текст «Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»: «Не сокращение, а копию или оригинал надобно; как можно скорее найми писца, заплати ему цену злата и платины. Бога ради, доставь» (XI, 53).

После опубликования манифеста Тургенев писал Герцену: «До сих пор телеграммы (печатные и частные) единогласно говорят о совершенной тишине, с которой принят манифест во всей России. Что-то будет дальше? Сам манифест явным образом написан был по-французски и переведен на неуклюжий русский язык каким-нибудь немцем. Вот фразы вроде: «Благодеятельно устроят» ... «Добрые патриархальные условия», — которых ни один русский мужик не поймет. Но самое дело он раскусит, и дело это устроено, по мере возможности, порядочно» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», цит. изд., стр. 138—139).

Разумеется, Герцен отнюдь не считал, подобно либералам, что реформа проведена «*порядочно*».

В л. 95 «Колокола» от 1 апреля 1861 г. появилась передовая под заголовком «Манифест», за подписью «И<сканде>р». В первом же абзаце статьи было выражено сомнение в том, окажется ли успешной объявленная реформа, ибо «все делается так шатко, так половинно и тяжело» (XI, 59). В этой статье, так же как и в проекте речи, манифест трактовался только как *начало* освобождения крестьян, и вывод делался такой: «Не отдых, не воля ждет народ, а новый страшный искус» (там же).

Но Герцен и здесь отдавал большую дань либеральным иллюзиям, приветствуя Александра II именем «освободителя». В значительной степени это объяснялось тем, что до Лондона еще не дошли приложенные к манифесту «Положения» (в числе 17), и подлинное социальное содержание крестьянской реформы, определявшееся этими «Положениями», не было еще вполне ясно Герцену.

Узнав из английских газет, что манифест, наконец, подписан царем, Герцен решил у себя в доме устроить в честь этого события торжество.

«У нас будет праздник,—сообщал он 21 марта в письме к сыну <...>—Обед для всех работников типографии и вечер для всех неработающих, т. е. раут <...> День не назначен, потому что мы ждем подробности постановлений для того, чтобы знать, стоит ли Алекс<андр> II, чтоб я предложил его тост» (XI, 55—56).

В следующем письме к сыну (март 1861 г.) Герцен возвратился к той же теме: «Я пишу тебе, чтоб сказать, что наш праздник может быть отложен до 5 апреля, но не дальше» (XI, 56).

25 марта Герцен писал С. Тхоржевскому: «Манифест получен. Он не дурен, а потому наш праздник назначается 5 апреля...» (XI, 57).

Наконец, 28 марта Герцен извещал И. С. Тургенева: «У нас 5 или 8 в Orsett House праздник-монстр эмансипационный. Приглашаются все русские, кто бы ни были. Обед с тостом, коего речь придется на галльском языке»* (XI, 58).

Обед состоялся не 5-го, не 8-го, а только 10 апреля. Об обеде было извещено в л. 95 «Колокола» в следующей заметке под заголовком «Освобождение крестьян»: «Вольная русская типография в Лондоне и издатели „Колокола“ празднуют вечером 10 апреля начало освобождения крестьян в Orsett House, Wesbourne terrace. Каждый русский, какой бы партии он ни был, сочувствующий великому делу, будет принят братски» (XI, 65).

Текст речи, которую Герцен собирался произнести на празднике, датирован 24 марта. Следовательно, написан он был под первым непосредственным впечатлением от знакомства с манифестом, полученным в Лондоне не раньше 22 марта и не позже 24-го (а не 25 марта, как указывал Лемке в «Летописи жизни Герцена» — XXII, 312). В письме к сыну от 21 марта, касаясь крестьянской реформы и сообщая подробно о готовящемся празднике, Герцен еще не упоминает о манифесте, что он, конечно, не преминул бы сделать, если бы манифест уже был получен.

В проекте речи Герцен дает лишь самую общую оценку манифеста 19 февраля. Характерно, что, работая над проектом, Герцен зачеркнул слова «о величайшем событии в нашей жизни» и выделил курсивом слова «начало освобождения крестьян». Реформа 19 февраля отнюдь не завершала, в представлении Герцена, борьбу за освобождение крестьян; в то время как либералы видели в реформе «свободу» — в глазах Герцена она была лишь «робким», «усеченным» началом освобождения.

«Манифест 19 февраля — подорожная; дорога еще вся впереди, а почта в руках свирепейших татарских ямщиков и немецких берейторов,— писал Герцен в проекте речи. — Они сделают все, чтоб опрокинуть или увязить повозку. А обличить их кознии в России нельзя. Слово отстало — оно у нас попрежнему крепко цензуре — оттого-то печатание за границей и необходимо...». И дальше он писал о предстоящей борьбе с самодержавием, с царскими сатрапами и чиновниками: «Мы выведем их на лобное место, мы привяжем их, в их собственной грязи, к позорному столбу — всех этих Муравьевых-вешателей, князей-подьячих, как Гагарин, и сиятельных жандармов, как Долгорукий; этих бездушных стяжателей и казнокрадов, крамольников во имя рабства, рыцарей розги...».

Текст заготовленной речи кончался призывом к дальнейшей революционной борьбе: «Наш труд теперь только порядком начинается. А потому, друзья, к нашим станкам! На нашу службу русскому народу и человеческой вольности...». После речи Герцен намеревался провозгласить два тоста: «За здоровье наших освобожденных братьев и в честь Александра Николаевича» и «Второй тост за народ польский, за его свободу и равенство, за полную независимость Польши от России и за дружеское соединение русских с поляками».

Таким образом, проект речи весьма противоречив: в нем нашли выражение и сильные и слабые стороны мировоззрения Герцена той поры.

Оценивая реформу 19 февраля с позиции революционной демократии, Герцен видел в ней только робкое, изуродованное крепостниками начало освобождения крестьян с земель. Но в этом же документе Герцен отдал большую дань либеральным заблужде-

* Повидимому, Герцен намеревался послать И. С. Тургеневу, для опубликования в парижской печати, французский перевод своей речи.

ниям: он готов был предложить тост в честь Александра II — «освободителя» и противопоставлял царя помещичье-правительственной верхушке Российской империи.

Текст речи публикуется по черновому автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 2).

Друзья и товарищи!

Сегодня мы оставили наш станок вольного русского слова — для того, чтоб братски отпраздновать * *начало освобождения крестьян* в России. Что для нас значит это освобождение — вы знаете **. В освобождении крестьян с землею лежит вся будущность Руси — не самодержавной, не помещичьей, не завоевательной, не московско ***-татарской, не петербургско-немецкой, а Руси народной, общинной — свободной!

Первое слово нашей типографии было слово о *Юрьеве дне*.

Первая книжка, вышедшая из нее, была о *Крещеной собственности*.

«Полярная звезда» и «Колокол» поставили своим девизом: *освобождение крестьян и слова!*

И вот начало его возвещено **** — робко, с усечениями — *но возвещено!*

Сильно переменились события с тех пор как мы печатали первые листы ***** в 1853. Все вокруг было мрачно и безнадежно. Тяжелая оргия реакции дошла до последней степени — приходилось сложить руки — а мы начали какую-то странную работу, засеива***** на каменистом мусоре чужих развалин зерна, назначенные для дальней ***** , отрезанной от нас родины. На что мы надеялись? Не знаю, а скажу лично о себе — оттого ли, что я не был тогда в России и не испытывал прямого прикосновения произвола, от другого ли, *но я верил в Россию — тогда, когда все сомневались в ней!* *****

С тех пор много воды утекло.

Обращаюсь к ***** свидетелям наших начинаний ***** и спрашиваю вас, что бы вы подумали о человеке, который в 1853 году сказал бы, что мы через восемь лет соберемся ***** на дружеский пир и что героем этого пира будет русский царь! Вы подумали бы, что он сумасшедший или хуже... Я с своей стороны откровенно признаюсь, что мне этого никогда не приходило в голову *****.

По счастью, господа, в этом никто из нас не виноват — в этом виноват исключительно один человек, то есть он сам.

За то, что я отдал ему справедливость, меня будут бранить революционные схимники и ригористы — меня за многие слова бранили. Но если я говорил свое мнение, когда за это сажали в тюрьму и посылали в Вятку, если я не боялся ***** раздражить надменный аристократизм

* *Далее зачеркнуто:* величайшее событие в нашей жизни.

** *Далее зачеркнуто:* Это была наша мечта с детских лет, в этом вопросе все, что мы любили, все, что мы ненавидели

*** *Далее зачеркнуто:* византийской и

**** *Далее зачеркнуто:* не прямо

***** *Далее зачеркнуто:* в которых излагали нашу дальнюю надежду. Это было

***** *Далее зачеркнуто:* слабые зерна

***** *Далее зачеркнуто:* запертой

***** *Далее зачеркнуто:* Вы видите, что иной раз вера бывает не всею

***** *Ранее было:* тем двум свидетелям, которые сами участвовали в

***** *В другом черновом, перечеркнутом варианте это место читается так:* Обращаясь к вам, Чернецкий, и к вам, Тхоржевский, как к двум свидетелям и участникам начала русской типографии

***** *Далее зачеркнуто:* в Лондоне

***** *Далее зачеркнуто:* по крайней мере, до рескрипта 20 ноября 1857,

***** *Далее зачеркнуто:* правдой

дряхлах и самодовольных цивилизаций *, то зачем же мне останавливаться перед противоположными предрассудками?

Мне тем легче признать великий подвиг Александра II, что самое это признание — залог нашей искренности. Нам необходимо доверие, как можно больше доверия.

Манифест 19 февраля — подорожная; дорога еще вся впереди, а почта в руках свирепейших татарских ямщиков и немецких берейторов. Они сделают все, чтоб опрокинуть или увязить повозку. А обличить их козни в России нельзя. Слово отстало — оно у нас попрежнему *крепко* цензуре — оттого-то печатание за границей необходимо — мы знаем свою обязанность.

И пусть *они* не беспокоятся — их дела не пропадут: мы с большой ревностью будем следить за ними шаг за шагом, взятку за взяткой, преступление за преступлением, с неутомимым вниманием ненависти **, чувствующей свою правоту. Мы выведем их на лобное место, мы привяжем их в их собственной грязи к позорному столбу — всех этих Муравьевых-вешателей, князей подьячих, как Гагарин, и сиятельных жандармов ***, как Долгорукий; этих бездушных стяжателей и казнокрадов, крамольников во имя рабства, рыцарей розги — не постыдившихся украсть у народа первый день его торжеств!

Наш труд теперь только порядком начинается. А потому, друзья, к нашим станкам! На нашу службу русскому народу и человеческой воле. Но прежде осушим этот бокал за здоровье наших освобожденных братьев и в честь Александра Николаевича, их освободителя!

Надобно <?> ура

Второй тост

За народ польский, за его свободу и равенство, за полную независимость**** Польши от России и за ***** дружеское соединение русских с поляками!

Тост за государя

Как сказано выше, речь произнесена не была. От своего тоста в честь Александра II Герцен в последнюю минуту отказался.

Вот как вспоминает Н. А. Тучкова-Огарева об обеде 10 апреля 1861 г.:

«В назначенный день с утра было не очень много гостей, только русские и поляки. Между прочим Мартыянов, князь Петр Владимирович Долгоруков, граф Уваров; Тхоржевский приехал позже всех; помню, мы были все в салоне, когда он вошел.

— Александр Иванович, не веселый праздник, в Варшаве русские льют кровь поляков,— сказал Тхоржевский, запыхавшись.

— Что такое? — вскричал Герцен.

— Не может быть! — кричали другие. Тхоржевский вынул из кармана фотографические карточки убитых, только что полученные им из Варшавы.— «Там были демонстрации,— рассказывал Тхоржевский,— поляки молились на улицах, вдруг раздалась команда, русские выстрелы положили несколько человек коленопреклоненных».

Все окружили Тхоржевского, рассматривали карточки убитых. Герцен был бледен и молчалив. Лицо его омрачилось; беспокойное, тревожное, грустное выражение сменило спокойное и светлое.

* *Далее зачеркнуто:* и обрушить на себя насмешки и клеветы не только чужих, но и своих

** *Далее зачеркнуто:* оправданной совестью

*** *Далее зачеркнуто:* со всей олигархической шайкой

**** *Далее зачеркнуто:* за его равенство, за его свободу от петербургского деспотизма и шляхетской аристократии — за отделение Польши

***** *Далее зачеркнуто:* братское

Жюль доложил, что обед подан. Все спустились в столовую, на всех лицах заметно было тяжелое настроение. Обед прошел тихо. Когда подали шампанское, Герцен встал с бокалом в руке и провозгласил тост за Россию, за ее преуспевание, за ее благоденствие, совершенствование и проч. Все встали с бокалами в руках, горячо отвечали, провозглашая другие тосты, и чокались горячо. У всех сердце усиленно билось... Герцен сказал краткую речь, из которой помню начало: «Господа, наш праздник омрачен неожиданной вестью, кровь льется в Варшаве, славянская кровь, и льют ее братья-славяне!». Все стихло, все молча уселись на свои места» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 301—302).

Существует еще одно воспоминание другого участника обеда 10 апреля 1861 г.—Агаша Гончаренко, в то время наборщика Вольной русской типографии, содержащее некоторые неизвестные ценные детали (см. о Гончаренко в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 588).

и пр. заняться безобразным получением их журналов за границей. 25/13 Марта, нить еще ни одной книжки за 1861 из Лондон! Вывоз что ли их запрещен по тарифу или Европа запретила ввоз?

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Вольная Русская Типография въ Лондонѣ и издатели Колокола празднуютъ вечеромъ 10го Апрѣля, начало освобожденія крестьянъ въ Orsett house, Westbourne terrace. Каждый Русскій, какой бы партіи онъ ни былъ, сочувствующій великому дѣлу,—будетъ принять братски.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ «НАЧАЛА ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН», ОРГАНИЗОВАННЫЙ ГЕРЦЕНОМ

«Колоколъ», л. 95 от 1 апреля 1861 г.

«9 апреля я получил от Александра Ивановича письмо, где он приглашал меня на праздник освобождения (передал его Михаилу Павлычу, издателю <газеты> „Народ“, оно хранится в Львовском музее). На следующий день я оделся в бархатную куртку... Князь Юрий Николаевич Голицын гремел на балконе свою пьесу „освобождения“. Я подошел к Герцену и сказал: „Ах! Александр Иванович,—уж эта резня в Варшаве испортит наш праздник“ <...>

10 апреля, утром, газетные мальчики кричали на улицах Лондона: „Slaughter in Warsaw!“*

В 3 часа пополудни я вскочил из омнибуса внашу „Вольную русскую типографию“, чтобы в компании с другими ехать к Герцену, где застал Станислава Тхоржевского, Людвиг Чернецкого, Восания Динго <?> и других поляков в горячей размолвке о вчерашней резне. В связках лежали на столе отпечатанные речи Герцена, по 25 экземпляров в связке, по-русски, польски, английски и французски, для раздачи на балу. Говорили, что европейские либералы—Луи Блан, Маццини, Оуэн <!> и другие будут пить тост за царя-освободителя.

В этом горячем разговоре мы порешили: бросить брошюры в горящий очаг. Что и было причиной уныния Герцена на балу. И не пили тост... Хотя в толпе при синем свете пуншевого огня Герцен старался быть веселым, Наташа, дочь его, выдала отца,

* «Резня в Варшаве!» (англ.).

крикнув ему: „Папа! Ты так грустен!“» (М. В и л ь ч у р. Русские в Америке. Нью-Йорк, 1918, изд. «Первого русского издательства в Америке», стр. 13—14).

Утверждение Гончаренко о том, что речь Герцена была предварительно отпечатана, вполне правдоподобно, хотя в нашем распоряжении нет никаких других свидетельств, подтверждающих это. Вместе с тем следует учитывать, что цитированные строки из письма Гончаренко написаны их автором в 1915 г., т. е. через много лет после описываемого события, и требуют критического к себе отношения.

Упомянутое письмо Герцена к Гончаренко, переданное в Львовский музей, осталось нам неизвестным.

В ближайшем же листе «Колокола» (л. 96) была помещена статья Герцена «10 апреля 1861 года и убийства в Варшаве». Статья исчерпывающе объясняет, почему подготовленная и заранее написанная речь осталась произнесенной:

«Праздник наш был мрачен. Я не знаю дня, в который бы разорванность давила беспощаднее и тяжелее, где бы плюшки <для иллюминации> были так близки к слезам... Нет, русский не должен забываться: не пришло еще время нам торжествовать светло и беззаботно, не пришло время прямо и гордо подымать взгляд; нет, еще не от избытка радости, а с горя и заглушая боль и стыд, будем мы пить наше вино <...> рука наша опустилась: через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог идти. Преступление было слишком свежо, раны не закрылись, мертвые не остыли, имя царя замерло на губах наших. Выпивши за освобожденного русского крестьянина, без речей, без шума, с тем печальным благоговением, с которым люди берут иную чашу, иного воспоминания, в котором также смешаны искупление и казнь, мы предложили один тост:

«За полную, безусловную независимость Польши, за ее освобождение от России и от Германии и за братское соединение русских с поляками!» (XI, 68).

Самодержавие еще раз показало свое истинное лицо карателя и угнетателя. Герцен не произнес заготовленную речь, и этот отказ знаменовал еще шаг на пути утверждения Герцена на тех революционно-демократических позициях, которые так четко обозначились в политической программе «Колокола» после реформы 1861 г.

Когда до издателя «Колокола» дошел полный текст «Положений» с местными его вариантами, когда дошли первые сообщения о крестьянском движении, развернувшимся в ответ на реформу, в «Колоколе» (л. 101 от 15 июня 1861 г.) набатом прозвучал протест против грабительской сущности реформы. В статье Огарева под разоблачающим названием «Разбор нового крепостного права, обнародованного 19 февраля 1861 года в „Положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости“», кратко и выразительно определялся характер реформы: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут!» («Колокол», л. 101).

В последующих листах «Колокола» продолжалось подробное разоблачение социальной сущности реформы 19 февраля. В л. 105 от 15 августа 1861 г., в статье «Искупаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ», Герцен обращается к русскому крестьянству с теми словами, которые впоследствии цитировал Ленин в знаменитой статье «Памяти Герцена»: «Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... Не верь им! Царь с ними и они его. Его ты видишь теперь — ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе. Он облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза и для ускорения послал во все четыре стороны Руси флигель-адъютантов, пули и розги» (XI, 194).

Эти гневные слова Герцена — одно из ярких доказательств решительного поворота в развитии его революционно-демократических взглядов, — поворота, происшедшего тогда, когда он, по определению Ленина, увидел революционный народ в России и «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14).